

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЛОВУШКИ СРЕДНЕГО ДОХОДА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)¹

ОРЕХОВСКИЙ ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики РАН,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: orekhovskypa@mail.ru

Цитирование: Ореховский, П. А. (2020). Институциональные условия ловушки среднего дохода (на примере России) // *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 038-049. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.038-049

Ловушка среднего дохода представляет собой известный феномен, когда рост душевого ВВП после достижения некоторого уровня резко замедляется. Обычно это связывают с ростом издержек труда – цена труда в рассматриваемой стране становится выше, чем в бедных странах, а передовые технологии, которые могли бы обеспечить рост производительности труда, оказываются недоступны. В статье для объяснения данного феномена используется идеационная гипотеза. Предполагается, что идеалы и ценности акторов влияют на институты, а институциональные условия во многом определяют темпы экономического роста. Таким образом, экзогенные по отношению к национальной экономике факторы – идеалы интеллектуалов и международные институты, регулирующие экономические отношения, – включаются в анализ. Убежденность интеллектуалов в существовании симулякра мировой науки способствует ориентации национального бизнеса на вхождение в мировую элиту. Последнее легитимизирует хищнический вывоз капитала и приобретение зарубежных активов, что усиливает зависимость полупериферийных стран от политики мирового гегемона. Коррупция в странах со средним доходом способствует укреплению такой зависимости. Ловушка стабилизируется также с помощью культуры «общества спектакля», когда в полупериферийной стране финансовые средства инвестируются в развитие профессионального спорта и индустрию развлечений, но не в отечественные НИОКР.

Ключевые слова: ловушка среднего дохода; постиндустриальное общество; интеллектуалы; коррупция; «общество спектакля».

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов».

MIDDLE INCOME TRAP: INSTITUTIONAL AND COGNITIVE FOUNDATIONS

PETR A. OREKHOVSKY,

*Doctor habitatus in economics, Professor,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
e-mail: orekhovskypa@mail.ru*

Citation: Orekhovsky, P. A. (2020). Middle income trap: institutional and cognitive foundations. *Journal of Institutional Studies*, 12(2), 038-049. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.2.038-049

The middle-income trap is a well-known phenomenon that the growth of per capita GDP slows sharply after reaching a certain level. This is usually associated with an increase in labor costs – the price of labor in the country becomes higher than in poor countries, and advanced technologies that could ensure the growth of labor productivity are not available. In the article, an ideational hypothesis is used to explain this phenomenon. It is assumed that the ideals and values of actors influence institutions, and institutional conditions largely determine the rate of economic growth. Thus, factors exogenous with respect to the national economy – ideals of intellectuals and international institutions that regulate economic relations – are included in the analysis. The conviction of intellectuals in the existence of a simulacrum of world science contributes to the orientation of national business towards joining the world elite. The latter legitimizes the predatory export of capital and the acquisition of foreign assets, which reinforces the dependence of semi-peripheral countries on world hegemonic policies. Corruption in middle-income countries reinforces this dependence. The trap is also stabilized with the help of a “performance society” culture, when in a semi-peripheral country, financial resources are invested in the development of professional sports and the entertainment industry, but not in domestic R&D.

Keywords: *middle-income trap; post-industrial society; intellectuals; corruption; “performance society”.*

JEL: *B41, F51, F52, F55*

Введение: контуры проблемы и основная гипотеза

Наиболее распространенным описанием механизма возникновения «ловушки среднего дохода», вошедшим уже и в Википедию² (это свидетельствует об установлении определенной популярности и стандарта описания), является сюжет роста заработной платы в странах догоняющей модернизации. После того как уровень оплаты труда достигает некоего «среднего» уровня, оказывается, что такая страна теряет конкурентоспособность на мировом уровне как по сравнению с бедными странами с низким уровнем оплаты, так и с богатыми странами, обладающими передовыми технологиями, обеспечивающими высокий уровень производительности труда. Чтобы вырваться из ловушки среднего дохода, стране рекомендуется развивать науку и образование и привлекать иностранные инвестиции. В качестве примера обычно ссылаются на Южную Корею, успешно реализующую свой научно-технический потенциал (Lee, Baek, Maliphol, Yeon, 2019), в меньшей степени – на других «азиатских

² Ловушка среднего дохода <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

тигров» (Сингапур, Гонконг, Тайвань). При этом трудно не заметить, что это описание ловушки практически не имеет отношения к *характеристике институтов в той или иной стране*. В предлагаемом нарративе задействованы, по сути, только условия внешней торговли и трудовые издержки.

В свою очередь, понятие институциональной ловушки как синонима неэффективного института было введено В.М. Полтеровичем в российский дискурс еще в 1999 г.: «как и в случае любой нормы, устойчивость институциональной ловушки означает, что при небольшом временном воздействии на систему она остается в институциональной ловушке, возможно, лишь незначительно меняя параметры состояния, а после снятия возмущения – возвращается в исходное состояние» (Полтерович, 1999, с. 11–12). В этом отношении странами, которые неоднократно предпринимали различные институциональные реформы, являются ЮАР, Бразилия, Аргентина, Мексика, Турция. Тем не менее в международной «табели о рангах» они остаются примерно на одном и том же уровне, впрочем, как и Россия (в последние 30 лет). Что-то непонятное «возвращает в исходное состояние» эти страны после «небольшого временного воздействия».

То обстоятельство, что многие государства «застревают» примерно на одном и том же уровне дохода (с поправками на паритет покупательной силы и мировой тренд экономического роста), и позволяет экономистам говорить о такой ситуации как о ловушке. Но тогда *какие именно* институты развивающихся стран являются неэффективными? Ведь даже если сравнивать институты стран БРИКС, они демонстрируют удивительное разнообразие, не говоря уже о других крупных развивающихся экономиках, входящих в так называемую «двадцатку». Поскольку исследователи пока не могут выдвинуть какую-либо убедительную общую причину (или одинаковый комплекс причин) для нахождения стран со средним уровнем дохода в устойчивом неэффективном состоянии, постольку такая ловушка во многом остается в роли эмпирического казуса, похожего на кривую Филлипса. Некоторые исследователи ее замечают и считают проблемой, а другие полагают, что это – ложная корреляция.

Если обратиться к мир-системному подходу, то И. Валлерстайн обозначает положение стран со средним уровнем дохода как «полупериферию» (Валлерстайн, 2001). Такое определение, по сути, отрицает наличие проблемы: «ядро», «полупериферия» и «периферия» присутствуют *всегда*, поэтому ни о какой ловушке, предполагающей устойчивое «неэффективное состояние», речи не идет. Несколько забегаая вперед, отметим, что в мир-системном подходе институты, регулирующие как условия торговли, включая механизмы распространения технологических инноваций, так и внешнеполитические взаимодействия, включая ООН и большую часть ассоциаций, находятся *под контролем стран «ядра»*. Последнее обстоятельство позволяет во многом блокировать передачу передовых технологий в страны со средним уровнем дохода, если последние не признают своей политической зависимости и не готовы автоматически поддерживать любые действия государств мирового ядра в отношении третьих стран.

При всей важности системы мировых экономических отношений этот фактор, по нашему мнению, является дополнительным; это – следствие, а не причина (см. раздел «Заключительные замечания»). Если рассматривать относительно длительные горизонты развития, скажем, XIX–XX вв., легко заметить, что институциональные структуры различных государств оказывались более важными для текущего экономического развития, чем внешние институциональные факторы. Однако стоит оговориться – именно для *текущего*. В определенные исторические моменты противоречия между внутренним развитием и мировой институциональной инфраструктурой приводили к войнам. Основной же гипотезой данной работы является влияние идеационных факторов на институты государства, которые, в свою очередь, оказывают влияние на экономическое развитие.

Гипотеза о влиянии идеалов на институты и в конечном счете на экономическое развитие высказывалась в работах (Ефимов, 2007; 2011), (Вольчик, Маслюкова, 2018), других авторов. Большой аналитический обзор отечественных и зарубежных работ,

посвященных теме идеационного поворота, представлен в недавней статье (Гамбовцев, 2019). Особенностью нашего анализа является акцент на роли интеллектуалов (креативного класса) в формировании институциональных условий ловушки среднего дохода. Если согласиться с распространенным взглядом на то, что основным направлением выхода из указанной ловушки является разработка и внедрение технологических инноваций, что связано с ускоренным развитием науки и образования, то внимание к идеалам и убеждениям интеллектуалов становится вполне оправданным.

Появление интеллектуалов в структуре западных обществ непосредственно связано с модерном, со становлением науки в качестве одного из основных институтов новых национальных государств. Сциентизм в свое время заменил религию, а институты науки, рассматриваемой как профессиональная корпорация, – церковь. Выдающиеся ученые играли роль новых святых и должны были придерживаться соответствующего этоса. Отказ от него в пользу государственной власти и национальных интересов, что имело место во время Первой мировой войны, в свое время составил основу пафоса известной книги Ж. Бенды «Предательство интеллектуалов» (Бенда, 2009).

Другими словами, расцвет науки непосредственно связан с подъемом капитализма. Используя марксистский дискурс, напомним, что «у пролетариата не было родины»³, будущее этого класса связывалось с мировой революцией. Именно эти убеждения лежали в основе организации Первого Интернационала, оказавшего большое влияние на весь последующий ход истории. Победа такой революции предполагала бы становление универсальных социально-экономических институтов во всех странах и свободный переток технологических инноваций. Ловушка среднего дохода в подобной умозрительной системе была бы исключена.

Перенос марксистского анализа в наше время с поправками на сформировавшееся постиндустриальное общество, где ведущую роль играет креативный класс в трактовке Р. Флориды (Флорида, 2011), возвращает старый вопрос: есть ли у интеллектуалов родина? И если есть, то могут ли в качестве их отечества выступать такие страны, как Россия (Турция, Мексика, Бразилия, Филиппины, другие страны полупериферии)? По нашему мнению, именно идеалы и убеждения интеллектуалов формируют институциональные условия, делающие ловушку среднего дохода устойчивой.

Следует отметить, что в отношении таких концептов, как «родина», у экономистов существует «слепое пятно». Рациональные экономические субъекты, о чем писал еще Т. Веблен, не имеют истории (Веблен, 2006). Это позволяет конструировать относительно однородное пространство, где нет места для дружбы и вражды, лежащих в основе *политического различия*. И в этом отношении механизмы экономических санкций или блокировки передачи странам полупериферии важных технологий, позволяющих добиться ускорения темпов экономического развития, расцениваются как негативные экстерналии, находящиеся за пределами предмета изучения экономической теории. Идеационный поворот, с одной стороны, позволяет вовлечь в анализ понятие политического как части экономического, расширив контуры анализируемой проблемы, с другой – отказаться от важной упрощающей посылки об однородности экономических агентов. То, что экономические отношения России с ЕС и США существенно отличаются от отношений с КНР и Индией, является банальностью для любого экономиста-международника, однако исследователи, работающие в рамках экономической теории, обычно абстрагируются от этих особенностей. Большое значение здесь имеет масштаб, продуктовая и ресурсная взаимодополняемость национальных экономик – будь то в рамках традиционной теории Хекшера – Улины, будь то в рамках новой экономической географии.

³ «Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он сам пока еще национален, хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия». Манифест Коммунистической партии (Маркс, Энгельс, 1950, с. 53).

Далее будет представлена краткая характеристика «столичной», «провинциальной» и «туземной» науки, появившейся в отечественном дискурсе после пионерной работы М. Соколова и К. Титаева (Соколов, Титаев, 2013). Институты науки полупериферийных стран, как и властные институты, на наш взгляд, создают условия для сохранения устойчивости рассматриваемой ловушки, где идентификация себя с «провинциалами» имеет принципиальное значение.

В заключение мы остановимся на концепте «негативного суверенитета», играющего все большую роль в XXI в., и специфике «экономического постмодерна». В конце концов, ловушка среднего дохода выглядит не так уж и плохо, если ее сравнивать с перспективой перехода к ловушке новой бедности.

Общественные науки в эпоху постмодерна: плюрализм реальности и симулякры полупериферии

Модернизационный процесс, в рамках которого и возникает ловушка среднего дохода, предполагает констелляцию между техническими, политическими, культурными и экономическими изменениями; при этом разные теории делают разные акценты на важность тех или иных факторов. Выделение фактора образования и науки, по-видимому, является общим для всех теорий модернизации: без всеобщего начального (а впоследствии и среднего, и высшего) образования и постепенного (сначала на базе имитации, а впоследствии самостоятельного) осуществления широкомасштабных НИОКР любая страна обречена на отставание.

Вершиной представлений о современной модернизации является концепция «постиндустриального общества», предложенная Д. Беллом еще в 1960-х гг. (Белл, 1999). Эта концепция является весьма оптимистичной и гуманистической – доля промышленности (экономики «дымящих труб») сокращается, как и доля аграрного сектора, основная занятость приходится на сектор услуг, а главным фактором экономического роста становятся знания, «человеческий капитал» (в аграрном обществе основной фактор – земля; в индустриальном – машины, оборудование: «физический капитал»; в постиндустриальном – знания, информация: «человеческий капитал»). Тем самым основной политической силой в постиндустриальном обществе становятся владельцы знаний, а экономический рост неразрывно связан с эффективностью институтов, регулирующих труд ученых.

Строго говоря, такой вывод вовсе не следует из трендов экономического развития XX в. Рост производительности в отраслях материального производства сопровождался увеличением свободного времени, однако население отнюдь не торопилось тратить его на научные занятия. Наиболее быстро растущей сферой экономики XX в. стала индустрия отдыха, включающая туризм, спорт, культуру. Именно эта сфера наряду с финансовыми услугами продолжает быть «локомотивом роста»; вслед за ними «подтягиваются» и услуги по охране (безопасности), но они также обычно выпадают из поля зрения отечественных и зарубежных гуманистов. Напротив, большого роста удельного веса сферы НИОКР в общей занятости не наблюдается ни в постиндустриальных странах, ни в странах «догоняющей модернизации».

Примерно в то же время, когда появляется концепция постиндустриального общества, Г. Дебор предлагает свое описание «общества спектакля» (Дебор, 1999), а Ж. Бодрийяр описывает новые симулякры «общества изобилия» (Бодрийяр, 2003). При другом взгляде на «постиндустриальное общество» оказывается, что спортсмены, актеры, музыканты и ученые играют одну и ту же социальную роль – они призваны *развлекать*, соревнуясь друг с другом как напрямую (спорт), так и опосредованно (наука, театр) – в популярности. В XXI в. с развитием библиометрии и сети Интернет популярность ученых получила своеобразное выражение – индекс Хирша, а роль престижных сценических площадок стали выполнять журналы из международных баз

Scopus и Web of Science. Большая часть научных работ никем не читается, кроме узкого круга знакомых между собой авторов. Таким образом, основная часть массива научных публикаций не оказывает никакого влияния ни на развитие техники (технологии), ни на общество.

Но это другая, параллельная реальность. В основном экономическом дискурсе, где продолжает господствовать «человеческий капитал», существует и мировая (столичная) наука. Логично предположить, как это и сделали в своей пионерной работе М. Соколов и К. Титаев, открывшей дискуссию в журнале «Антропологический форум», что наряду с мировой есть и провинциальная, и туземная наука. Суть этой классификации хорошо передает один из участников дискуссии – С. Ушакин: «Соколов и Титаев строят свою таксономию на (зыбком) основании одной метафоры: коммуникация между учеными есть разговор, т.е. более или менее направляемый обмен символами, их – символов – своеобразная циркуляция. Выбор ключевой метафоры позволяет авторам сделать следующий шаг: сконцентрироваться на характере самого обмена / циркуляции. В итоге мы получаем “трехчленку” – *замкнутая циркуляция* (“натуральное” хозяйство) “туземной” науки, “*неэквивалентный*” обмен (карго-культ) “провинциальной” науки ну и, соответственно, – *полноценный товарообмен* на рынке “столичной” науки» (Ушакин, 2013, с. 176).

Очевидно, любой исследователь должен стремиться соответствовать высоким стандартам мировой науки. Существует ли последняя как реальность или имеет место провинциальный карго-культ, не имеет значения: в этом отношении поведение ученого определяется теоремой Томаса, объясняющей механизм самосбывающихся пророчеств⁴. Вера интеллектуалов, работающих в странах полупериферии, в наличие мировой (столичной) науки, идентификация себя с ее ценностями делает для экономистов, социологов, философов, как и представителей других общественных наук, принятие западных нарративов, в том числе связанных с доминирующей с конца 1970-х неолиберальной идеологией, почти безусловным. Как справедливо замечает М. Соколов: «В российских социальных науках водораздел между теми, кто верит, что читать западные книги важнее, чем русские, и теми, кто уверен в обратном, проходит более-менее по линии, отделяющей Болотную площадь от Поклонной горы» (Соколов, Титаев, 2013: 252; Соколов, 2010).

«Мировой уровень», конечно, – это *западный* уровень. И в этом отношении старая фраза П.Я. Чаадаева о русском либерале, который подобно мошке толчется в солнечном луче, который светит с Запада, во многом сохраняет свою справедливость. Существенной поправкой в XXI в. является то, что данная сентенция в наше время относится не к либералам, но к интеллектуалам, и не только к российским, но, пожалуй, практически ко всему интернациональному креативному классу стран полупериферии.

Следствием ориентации на мировую науку является осознание миссии «провинциальных» обществоведов как трансляторов передовой западной мысли в странах «догоняющей модернизации», а заодно критически-брезгливая реакция на «туземцев» как на безграмотных «изобретателей велосипедов». Однако влияние экономистов на экономическую политику, как и на институциональные реформы, не следует преувеличивать. Скорее, действует усиливающая сигнал положительная обратная связь: интеллектуалы пользуются влиянием потому, что выражают общее настроение истеблишмента. Реплика А.С. Пушкина о том, что в России правительство – «единственный европеец», также по-прежнему актуальна. И с поправкой на XXI в. это означает, что российские власти *глубоко провинциальны* именно в том смысле, как это определяют М. Соколов и К. Титаев.

Слепое пятно, которое возникает при этом не только у экономистов, но, пожалуй, и у обществоведов в целом, – это вопрос о статусе общественных наук в полупериферийных

⁴ «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях» – цит. по: (Мертон, 2006, с. 605).

странах. Если догоняющая модернизация – западный проект и задача состоит в том, чтобы позаимствовать западные институты, то причем здесь экономика как *наука*? Достаточно переводов западных учебников, а когда на их основе начинают компилировать свои, тогда и возникают бодрийеровские симулякры. Аналогично: если уже известны цели реформ, то исследования приходится подгонять под заранее заданные результаты; при этом реальность уже мало кого заботит. Например, можно увеличить пенсионный возраст, а потом возбудить общественную дискуссию по поводу перехода на четырехдневку, или более давний пример – передать убыточные пригородные поезда в ведение регионов (субсидиарность!), а потом запретить им ликвидировать убыточные маршруты. Наконец, ситуация, когда по тем или иным причинам «мировое сообщество» отворачивается от полупериферийной страны, более того, подвергает ее экономическим и политическим санкциям, погружает провинциальных интеллектуалов в состояние глубокой фрустрации⁵. Трансляция преимуществ западных институтов на национальную аудиторию теперь уже не встречает прежнего восторженного приема, хотя и не везде.

Оксюморон: национализация элиты в полупериферийной стране. Специфика «провинциальной коррупции»

Под «национализацией элит» многочисленные российские социальные мыслители, предлагающие это мероприятие, понимают изменение менталитета отечественного истеблишмента – по их мнению, «элита должна служить родине». Однако эта простая формулировка порождает важную проблему.

Во-первых, переход субъекта из статуса «мирового» в «национальный» означает потерю качества. Согласие на такую утрату противоречит самому определению элитарности (лучшие).

Во-вторых, нам неизвестны работы, которые вводили бы общепризнанное и/или сколько-нибудь однозначное определение концепта родины. Чаще всего, однако, родину связывают с локусом, тем или иным *местом*, будь то на карте, будь то в социально-экономическом пространстве. В отличие от этого, по нашему мнению, родина как понятие, которым оперируют участники общественных дискуссий, – это *политический концепт*, система ценностей, *топос*, но не локус. Отсюда – различие друга и врага, обвинения друг друга в предательстве родины или, напротив, в «патриотичном негодяйстве» (предать *место*, по-видимому, затруднительно).

В свою очередь, определение родины через систему ценностей делает невозможным централизованную «национализацию элит»; можно передать в государственную собственность только имущество, но не идеи. В истории любой страны есть как светлые, так и мрачные страницы, поэтому апелляция к ценностям, связанным с национальной гордостью, может быть всегда нейтрализована напоминаниями о национальном унижении. Напротив, дискурс универсальных «общечеловеческих ценностей», как и классический либерализм, отстаивающий права человека, всегда обеспечивают моральное превосходство интеллектуала-космополита. В этом отношении вывод активов за рубеж, приобретение гражданства западных стран, регистрация в последних в качестве налогового резидента являются операциями, получающими не только легальную, но и моральную санкцию: «наш», «провинциальный» актер вошел в мировую элиту.

Наличие массы зарубежных активов полупериферийных государств, которые могут быть экспропрированы, если государства ядра решат, что какие-то действия

⁵ Ярким примером такого двусмысленного положения российских интеллектуалов была теперь уже давняя ситуация в популярной телепередаче Комеди клуб, где актеры распевали песенку «Купи г... [дерьмо], поддержи отечественного производителя, г... родителя» под смех и аплодисменты присутствующих представителей российской политической элиты. Абсурд ситуации заключался в том, что юмор такого качества может быть только «местного производства» и для местных же потребителей; экспорт таких шуток невозможен (если не брать во внимание отдельных потребителей из эмигрантской среды, конечно).

представляют угрозу их интересам, – одно из важных условий формирования «ловушки среднего дохода», закрепляющих превосходство мировых, универсальных ценностей над провинциальными. Если использовать классическое определение К. Клаузевица, то «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» (Клаузевиц, 1998, с. 35). Грань, отделяющая «экономическое» от «военного», лежит в объеме и способах насилия, в остальном экономическое и/или военное противоборство преследует, похоже, одни и те же цели⁶: превращение государства из противника в союзника, получение дешевого (возможно, бесплатного) доступа к его ресурсам и технологиям. Конфликты с участием вооруженных сил в XXI в. – дело весьма дорогостоящее и влекущее за собой большие репутационные издержки. Напротив, трансплантация институтов при помощи грантовой поддержки и других вариантов использования «мягкой силы» выглядит намного более предпочтительной стратегией.

Важной чертой усвоения западных институтов в полупериферийных странах обычно является усиление, а не снижение степени коррупции; по крайней мере на первых этапах демократизации – либерализации – приватизации⁷. Если она при этом способствует изменению позиции правительства и истеблишмента с враждебной на прозападную, то такая коррупция не влечет за собой политико-экономических последствий для ее участников. Множество примеров – от африканских диктаторов до украинских олигархов и арабских шейхов – свидетельствуют о том, что в случае «правильной политической ориентации» Запад до поры до времени не интересуется источниками происхождения соответствующих финансовых активов.

Об этом же пишет, например, Дж. Перкинс: «Мы представляем собой элитную группу мужчин и женщин, использующих всемирные финансовые организации для создания таких условий, при которых другие народы вынуждены подчиниться корпоратократии, управляющей нашими крупнейшими компаниями, нашим правительством и банками... одолжения принимают форму займов для развития инфраструктуры...»

Несмотря на то что деньги практически немедленно возвращаются в корпорации... страна, получающая заем, обязана выплатить его назад с процентами. Если ЭУ [экономический убийца – П.О.] превосходно справился со своим заданием, займы будут настолько велики, что должник уже через несколько лет будет не способен выплачивать долг и окажется в ситуации дефолта. И вот тогда... мы требуем себе шейлоковского «фунта живой плоти». Таковой часто состоит из одной или нескольких позиций: страна должна голосовать по нашей указке в ООН, позволить разместить наши военные базы и допустить к драгоценным природным ресурсам, например к нефти или к Панамскому каналу. Конечно, при этом должник по-прежнему остается должником – и вот еще одна страна вошла в нашу глобальную империю» (Перкинс, 2005, с. 23–24)⁸. Таким образом, ловушка среднего дохода захлопывается к общему удовольствию местного истеблишмента и интеллектуалов.

Как ни странно, в свете сказанного *Россия оказывается не чрезмерно, а недостаточно коррумпированным государством*. Несмотря на вопиющие примеры коррупционных безобразий, во множестве приводимые отечественными медиа, отечественный истеблишмент все еще слишком «туземен» и не полностью осознает свое провинциальное место в мировой элите.

⁶ Работы нобелевского лауреата по экономике Томаса Шеллинга, посвященные анализу стратегий конфликтующих сторон, в равной степени применяются как экономистами, так и военными аналитиками (Шеллинг, 2016).

⁷ Любопытно отметить, что в Южной Корее, которая часто представляется как пример страны, успешно «высочившей» из ловушки среднего дохода, не прекращаются коррупционные скандалы. С редкой регулярностью президенты этого государства подвергаются уголовному преследованию. В этом отношении, по-видимому, Южная Корея продолжает оставаться типичной полупериферийной страной.

⁸ См. также: (Игры экономических убийц, 2007).

Заключительные замечания: негативный суверенитет и «общество спектакля»

Коррупцирование местных элит со стороны более богатых и превосходящих в военно-политическом отношении государств является очень старым и хорошо известным мировой истории инструментом. Однако вплоть до второй половины XX в. этот инструмент применялся для формирования отношений прямой политической зависимости, провинциальные интеллектуалы в такой ситуации становились коллаборантами, поступая на службу в колониальную администрацию. Стоит отметить, что такой вариант отнюдь не вызывал возражений у экономистов либерального направления, и вплоть до конца 1950-х гг. ни сегрегация, ни расизм, ни апартеид не вызывали морального осуждения. В свою очередь, экономическая отсталость колоний по сравнению с Западом воспринималась как нечто естественное, строительство школ, больниц, фабрик по добыче и первичной обработке сырья рассматривалось не как «догоняющая модернизация», но как повышение экономической отдачи «заморских территорий» в торговле с метрополией. Естественно, что в такой ситуации популярным становился левый дискурс, а либеральная пропаганда преимуществ свободной торговли ощущалась туземными интеллектуальными патриотами как особо изощренное издевательство.

Однако во второй половине XX в. бывшие колонии обретают политическую независимость. При этом уровень как душевого дохода, так и общего социально-экономического развития новых государств остался весьма низким. Используя марксистский дискурс, можно сказать, что уровень «надстройки», включая электоральную демократию, наличие конституции, отсутствие сословных привилегий и т.д., значительно опередил уровень «экономического базиса» как в периферийных, так и в полупериферийных странах. Но вопреки марксистским представлениям о «соответствии производственных отношений уровню развития производительных сил», вернуть надстройку на уровень отсталого экономического базиса оказывается невозможным из-за радикально изменившихся по результатам Второй мировой войны геополитических условий. Как показывают в своей работе Н. Силаев и И. Болгова, прежняя европейская модель жесткого отбора государств, в отношении которых была справедлива максима Чарльза Тилли «война создала государства, а государства создали войну», исходила из того, что «...европейские государства, которые не могли соответствовать возрастающим требованиям военной мощи и административной эффективности, прекращали свое существование, становясь добычей более сильных соседей. Афоризм о войнах, которые создают государства, подразумевает, что войны же их и уничтожают. После 1945 г. естественный отбор перестал работать».

Роберт Джексон описал эту проблему через понятие негативного суверенитета. По аналогии с негативной свободой Исайи Берлина негативный суверенитет предполагает свободу от внешнего вмешательства. Государство приобретает таковой в силу признания в качестве равноправного независимого члена международного сообщества. Позитивный суверенитет, в свою очередь, касается не формальных, а содержательных сторон государственности и заключается в способности государств предоставлять политические блага своим гражданам. Государства, обладающие негативным, но не позитивным суверенитетом, Джексон обозначил как квазигосударства: признанные члены международного сообщества, неспособные выполнять ключевые государственные функции на своей собственной территории» (Силаев, Болгова, 2019, с. 137–138).

Концепция негативного суверенитета применительно к странам полупериферии позволяет дополнить институциональные условия ловушки среднего дохода. Эти «квазигосударства» вполне лояльны к странам ядра, они, как правило, не находятся под санкциями, однако для выхода на траекторию «догоняющей модернизации» им необходимо добиться устойчивого функционирования общественного сектора (в том числе

и с точки зрения исполнения бюджета). В свою очередь, необходимым условием этого является победа над коррупцией, что зачастую вступает в противоречие с требованием лояльности к мировым институциональным структурам (одним из ярких проявлений такой конфликтной ситуации является возврат активов из-за рубежа субъектами, совершившими те или иные преступления у себя на родине). Возникает порочный круг.

В свою очередь, ситуация негативного суверенитета, когда правительство не могло собрать налоги и задерживало зарплату бюджетникам, оставила долгую память в России. Это было время, когда российские интеллектуалы пользовались интересом и поддержкой «мировой науки», а отечественный крупный бизнес начал формировать свои транснациональные империи. Переход из ловушки среднего дохода к негативному суверенитету, в ловушку новой бедности представляется намного более вероятным, чем новое «экономическое чудо» и достижение в разы более высокого душевого ВВП. Если ориентироваться на внутренние источники экономического роста, это предполагает изменение коллективных структур когнитивности российских интеллектуалов. По нашему мнению, такой радикальный сдвиг вряд ли возможен в ближайшее время.

Делов том, что представление о существовании симулякра мировой науки дополняется для «провинциалов» убеждением в существовании мировой культуры. Космополитизм, провинциальность и «туземные культурные практики» процветают и здесь. Во многих российских регионах при полном отсутствии финансовой поддержки местных НИОКР содержатся хоккейные и футбольные команды, приглашаются зарубежные легионеры. Чуть менее распространенными развлечениями являются приглашения дизайнеров, оформляющих отдельные городские ансамбли. Все это вебленовское «демонстративное расточительство» (Веблен, 1984) знаменует конец модерна, иллюстрируя наличие «параллельных реальностей»⁹. В авторитетном дискурсе, формирующем, например, претензии рецензентов экономических журналов, догоняющая модернизация сталкивается с ловушкой среднего дохода, дефицитом человеческого капитала и передовых технологий. Однако наряду с этой реальностью существует другая, в которой российское высшее образование оказывается во многом избыточным, выпускники инженерных, медицинских, педагогических и других вузов занимаются коммерческой деятельностью, не связанной с полученными знаниями, а вместо зарубежных ученых и инженеров в Россию приглашаются звезды спорта и мастера театральные постановок.

С другой стороны, изменение состава ядра мир-системы возможно; собственно, знаменитый трехтомник И. Валлерстайна и представляет собой анализ этого процесса (Валлерстайн, 2016). Основными причинами таких изменений являются одряхление экономики, увеличение долгов и военные поражения мировых гегемонов; причем все эти факторы влияют на мир-систему одновременно. Процессы эти идут медленно, но у полупериферийных держав, каковой была, например, Германия начала XIX в., есть шансы до этого дожить.

Попросту говоря, ловушка среднего дохода как запирается, так и открывается извне. Не исключено, что уже во второй половине XXI в. мировая наука, как и мировая культура, будет ассоциироваться скорее с Востоком, чем с Западом, а русский язык станет популярен не только среди физиков-ядерщиков. Осталось только победить коррупцию и добиться интереса отечественных корпораций к финансированию и внедрению российских НИОКР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белл, Д. (1999). Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia.

Бенда, Ж. (2009). Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, Социум.

⁹ О плюрализме реальности, формируемой дискурсами экономистов, хорошо писал У. Сэмюэлс: «Дать определение реальности – значит внести вклад в ее реконструкцию. Определение реальности логически предполагает, что она существует, подобно тому как систематизация опыта означает, что таковой опыт существует...» (Сэмюэлс 2015, с. 24).

- Бодрийяр, Ж.* (2003). К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга.
- Валлерстайн, И.* (2001). Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга.
- Валлерстайн, И.* (2016). Мир-система модерна: Т. I–III. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Веблен, Т.* (1984) Теория праздного класса. М.: Прогресс.
- Веблен, Т.* (2006). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? В кн. Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / Редкол.: Я.И. Кузьминов, В.С. Автономов, О.И. Ананьин и др. М.: ИД ГУ ВШЭ. С. 10–32.
- Вольчик, В. В., Маслюкова, Е. В.* (2018). Нарративы, идеи, институты // *Terra Economicus*, 16(2), 150–168.
- Дебор, Г.* (1999). Общество спектакля. М.: Логос.
- Ефимов, В. М.* (2007). Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики // *Вопросы экономики*, 8, 49–67.
- Ефимов, В. М.* (2011). Дискурсивный анализ в экономике: пересмотр методологии и истории экономической науки // *Вопросы регулирования экономики*, 2(3), 5–79.
- Игры экономических убийц (2007) / Под ред. С. Хайята. М.: Претекст.
- Клаузевиц, К.* (1998). О войне. М.: Логос; Наука.
- Маркс, К., Энгельс, Ф.* (1950). Манифест Коммунистической партии. М.: Госполитиздат.
- Мертон, Р.* (2006). Самоосуществление пророчества / Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ: МОСКВА ХРАНИТЕЛЬ. С. 605–626.
- Перкинс, Дж.* (2005). Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext.
- Полтерович, В. М.* (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы / ЦЭМИ РАН и РЭШ. М.
- Силаев, Н. Ю., Болгова, И. В.* (2019). Напрасные войны: работает ли модель Тилли на постсоветском пространстве? // *Сравнительная политика*, 4, 133–154.
- Соколов, М. М.* (2010). Индивидуальные траектории и происхождение «естественных зон» в петербургской социологии // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 3, 111–132.
- Соколов, М., Титаев, К.* (2013) Провинциальная и туземная наука // *Антропологический форум*, 19, 239–275.
- Сэмюэлс, У.* (2015). «Истина» и «дискурс» в социальном конструировании реальности // Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке / Редкол.: В.С. Автономов (гл. ред.), О.И. Ананьин (зам. гл. ред.), Д.В. Мельник (отв. секр.) и др. М.: ИД Высшей школы экономики. С. 13–30.
- Тамбовцев, В. Л.* (2019). Идеи и интересы, экономическая политика и институты // *Вопросы экономики*, 5, 26–45.
- Ушакин, С.* (2013). Наука: вещь в себе и вещь для себя // *Антропологический форум*, 19, 176–188.
- Флорида, Р.* (2011) Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: ИД «Классика XXI».
- Шеллинг, Т.* (2016). Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, Социум.
- Berle, A., Means, G.* (1967). *The Modern Corporation and Private Property*. 2nd ed. New York, Harcourt, Brace and World.
- Lee, J.-D., Baek, C., Maliphol, S., Yeon, J.-I.* (2019). Middle Innovation Trap // *Foresight and STI Governance*, 13(1), 6–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.6.18.

REFERENCES

- Baudrillard, J.* (2003). *Toward a Critique of the Political Economy of the Sign*. Moscow: Biblion – Russian book. (In Russian.)

- Bell, D. (1999). The upcoming post-industrial society. Experience of social forecasting. Moscow: Academia. (In Russian.)
- Benda, J. (2009). The betrayal of intellectuals. (In Russian.)
- Berle, A., Means, G. (1967). The Modern Corporation and Private Property. 2nd ed. New York, Harcourt, Brace and World.
- Clausewitz, K. (1998). About war. Moscow: Logos; The science. (In Russian.)
- Debord, G. (1999). Society of the play. Moscow: Logos. (In Russian.)
- Efimov, V.M. (2011). Discursive economics: Methodology and history of economics reconsidered. *Journal of Economic Regulation*, 2(3), 5–79. (In Russian.)
- Florida, R. (2011). Creative Class: People Who Change the Future. Moscow: Publishing House “Classic XXI”. (In Russian.)
- Games of the economic killers (2007) / Edited by S. Hayat. Moscow: Pretex. (In Russian.)
- Lee, J.-D., Baek, C., Maliphol, S., Yeon, J.-I. (2019). Middle Innovation Trap. *Foresight and STI Governance*, 13(1), 6–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.6.18.
- Marx, K., Engels, F. (1950). Manifesto of the Communist Party. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian.)
- Merton, R. (2006). Self-fulfillment of the prophecy / Merton R. Social theory and social structure. Moscow: AST: AST: MOSCOW KEEPER. Pp. 605–626. (In Russian.)
- Perkins, J. (2005). Confession of the economic killer. Moscow: Pretext. (In Russian.)
- Polterovich, V. M. (1999). Institutional traps and economic reforms / CEMI RAS and NES. Moscow. (In Russian.)
- Samuels, W. (2015). “Truth” and “discourse” in the social construction of reality // Sources: qualitative shifts in economic reality and economic science / editorial: V.S. Avtonomov (Ch. Ed.), O.I. Ananyin (Deputy Chief Editor), D.V. Miller (responsible secretary) and others. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. Pp. 13–30. (In Russian.)
- Schelling, T. (2016). Conflict strategy. Moscow: IRISEN, Socium. (In Russian.)
- Silaev, N. Yu., Bolgova I. V. (2019). Vain wars: does the Tilly model work in the post-Soviet space? *Comparative politics*, 4, 133–154. (In Russian.)
- Sokolov M., Titaev K. (2013) Provincial and native science *Anthropological Forum*, 19, 239–275 (In Russian.)
- Sokolov, M. M. (2010). Individual trajectories and the origin of “natural zones” in St. Petersburg sociology // *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 3, 111–132. (In Russian.)
- Tambovtsev, V. L. (2019). Ideas and interests, economic policy and institutions. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 26–45. (In Russian.)
- Ushakin, S. (2013). Science: a thing in itself and a thing for itself. *Anthropological Forum*, 19, 176–188. (In Russian.)
- Veblen, T. (1984). The Theory of the Leisure Class. Moscow: Progress. (In Russian.)
- Veblen, T. (2006). Why is economics not an evolutionary discipline? In the book. Sources: from the experience of studying economics as a structure and process / editorial: Ya.I. Kuzminov, V.S. Avtonomov, O.I. Ananyin et al. Moscow: ID HSE. Pp. 10–32. (In Russian.)
- Volchik, V. V., Maslyukova, E. V. (2018). Narratives, ideas, institutions. *Terra Economicus*, 16(2), 150–168. (In Russian.)
- Wallerstein, I. (2001). Analysis of world systems and the situation in the modern world / Ed. B.Yu. Kagarlitsky. SPb.: University book. (In Russian.)
- Wallerstein, I. (2016). Modern world system. T. I–III. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. (In Russian.)